

18+

ТЕМНА ВОДА

РАССКАЗЫ

ЛЕ КОМАР

Ле Комар
Темна вода

«Издательские решения»

Комар Л.

Темна вода / Л. Комар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686982-0

Десять историй о людях на переломе. Женщина с топором защищает последние метры жилья в военном Новосибирске. Рекламщик теряет портфель с деньгами и самого себя. Мужчина открывает, что за блеском мечты скрывается грязная реальность. Дайвер уходит на глубину и не возвращается. Здесь нет героев — только люди, которые делают выбор. Иногда отчаянный, иногда роковой. Каждый платит свою цену: кто-то выживает, кто-то ломается, кто-то исчезает в глубине. Книга о том, как мы теряем и находим себя.

ISBN 978-5-00-686982-0

© Комар Л.
© Издательские решения

Содержание

Печать сиреневая, смерть черная	6
Год Дракона	10
Операция «Зеленый горошек»	12
Все под контролем	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Темна вода

Ле Комар

Этот сборник появился благодаря обучению на литературных курсах Ольги Славниковой. Именно из её романа «Лёгкая голова», для упражнения на подражание, было взято имя героя нескольких рассказов – Максим Ермаков, и оно так и прижилось в моих текстах.

Спасибо Вам, Ольга Александровна, за ваш труд, время и подаренные знания.

© Ле Комар, 2026

ISBN 978-5-0068-6982-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Печать сиреневая, смерть черная

Топор в руках Тази казался неестественно тяжелым этим ноябрьским утром 1941 года. – Мне сейчас все равно, куда идти, – произнесла она спокойно, перехватывая рукоять поудобнее. – Что в тюрьму, что на улицу. Так и так пропадать. Подходите, кто смелый...

Трое представителей жилищной комиссии военного института, прибывшие выселять ее из квартиры, застыли у порога, недоверчиво глядя на хрупкую женщину с темными кругами под глазами и отчаянным взглядом.

Война шла пятым месяц, фашисты подошли к Москве, ее родной Воронеж еще в июле попал в оккупацию. Связь с матерью и сестрой, жившими там, прервалась. Новосибирск, в который они приехали с мужем Максимом и первым сыном в тридцать девятом, принимал эшелоны эвакуированных с запада заводов и раненых бойцов с фронта.

Военный госпиталь, где несколько недель назад ее муж скончался, был переполнен. Умерших хоронили в больших братских могилах, в какой-то из них неделю назад закопали и Максима. Тася выхаживала их младшего сына Костю, родившегося в прошлом месяце. На вопрос пятилетнего Володи: «Мам, а когда папа вернется?», – Тася не могла дать ответ. Как объяснить сыну то, что сама принять еще не в силах? Обняв мальчика одной рукой, прижимая к себе младенца другой, она пыталась подобрать слова. В этот момент в дверь резко постучали.

На пороге стояли трое: представительный мужчина в кожаном пальто, женщина с блокнотом в руках и военный – с папкой документов. Жилищная комиссия института.

– Гражданка Поликарпова, – официальным тоном начал военный, – в связи с военным положением и необходимостью заселения эвакуированных граждан из прифронтовых городов вам надлежит освободить квартиру в течение сорока восьми часов.

Тася вздрогнула, инстинктивно прижав детей крепче.

– Но куда же мне... нам идти? – ее голос дрогнул.

– Это не наша компетенция, – отрезала женщина с блокнотом. – Наш институт должен разместить прибывших из Ленинграда сотрудников с семьями. Завтра в это же время мы придем проверить исполнение.

Антонина родилась в Воронеже в 1911 году в семье рабочего-железнодорожника. Отец рано умер, жили бедно, мама сдавала внаем комнаты в доме. В семье Антонину звали Тася. Невысокая шатенка с тонкими чертами лица, она двигалась так плавно, что казалось – девушка не идет, а скользит над землей.

После школы, когда многие сверстники бросали учебу, Тася поступила в железнодорожный техникум. Сокурсники прозвали ее «Тоня-тихоня», не подозревая, какой характер скрывается за ее сдержанностью. Там, в техникуме, она и познакомилась с Максом – невысоким худощавым юношей в круглых очках с серьезным взглядом и крупной, тяжелой челюстью, выдававшей упрямый характер. Он бежал из оккупированного Эстонией Печорского края в Россию в двадцать первом и попал в воронежский детский дом. После окончания техникума Максим уехал учиться в Ленинградский железнодорожный институт – ЛИИЖТ. Тася ждала его, работая на воронежской железнодорожной станции.

Их брак был союзом противоположностей: он – амбициозный, рвущийся вперед; она – скромная, немногословная. Зато уют могла создать даже в самых непростых условиях. Максим быстро шел вперед. Тася с гордостью приняла роль жены аспиранта, потом кандидата наук, перспективного руководителя, адаптируясь к каждому новому назначению мужа: сначала Джамбул – строительство Турксиба, потом Новосибирск.

В сибирском городе, где Максим в неполные тридцать лет возглавил Институт военных инженеров транспорта, Тася впервые почувствовала себя по-настоящему счастливой. Простор-

ная квартира в новом преподавательском доме, служебный автомобиль «ЗИС», уважение коллег... Впервые в жизни Тася могла не работать и посвятить себя воспитанию старшего сына. У нее даже появилась домработница, – невиданный ранее шик! – которой нашлось место в отдельной шестиметровой комнате рядом с кухней. Незаметно для себя Тася приняла осанку и манеры жен высокопоставленных сотрудников, научилась принимать гостей, вести светские беседы.

И вот всё рухнуло. Внезапное тяжелейшее воспаление легких унесло в могилу ее мужа всего за три недели, именно в тот момент, когда она еще лежала в роддоме.

Ночь после визита комиссии Тася провела без сна. Младенец то и дело просыпался, требуя молока. Володя во сне звал отца. За окном выла злая сибирская метель, пригибая к земле молодые тонкие тополя, которыми был засажен двор. В отражении стекла Тася видела себя – осунувшееся лицо с заострившимися скулами, непокорная прядь волос, выбившаяся из наспех заколотого пучка. Страшнее всего были глаза – глаза человека, потерявшего всякую надежду.

К утру Тася приняла решение.

С поздним восходом зимнего солнца она попросила соседку присмотреть за детьми и пошла в институт. В приемной нового и.о. начальника просидела три часа. Когда ей наконец удалось попасть в кабинет, разговор оказался коротким.

– Понимаете, Антонина Федоровна, – сухо произнес сидящий полковник, только что назначенный новым начальником Института, не глядя ей в глаза, – служебное жилье полагается действующим сотрудникам. У нас катастрофическая нехватка помещений для эвакуированных специалистов. Война...

– У меня двое детей, – прервала его Тася, сжимая пальцы так, что костяшки побелели. – Младшему нет и двух месяцев. Максим Федорович был руководителем, отдал институту почти три года жизни. Неужели его семья не заслуживает хотя бы комнаты?

– Таковы правила, – развел руками полковник. – Обратитесь в городской жилищный отдел.

В жилищном отделе ее ждал еще один отказ. В комендатуре общежития также развели руками.

Вернувшись домой, Тася механически начала собирать вещи. Странное оцепенение охватило ее, когда она смотрела на стопки детского белья, фотографии мужа, книги, которые они вместе читали вечерами. «Куда я пойду с детьми? К знакомым? У кого сейчас найдется место для троих? Поеду в Воронеж? Там фронт, немцы.» – мысли путались, решения было не видно.

Тренькнул механический звонок в дверь. Жилищная комиссия вернулась, чтобы убедиться в исполнении приказа.

Антонина на мгновение застыла, затем решительно прошла на кухню и вернулась в коридор с топором для колки дров – центрального отопления в доме не было, в кухне располагалась печь, топившаяся дровами.

– Что ж, проходите, – сказала Тася помертвевшим голосом, открыв настежь дверь и крепко сжимая топором.

Военный опешил. Женщина с блокнотом попятилась от двери.

– Вы что себе позволяете! – возмутился мужчина в кожаном пальто.

– А вы? – Тася сделала шаг вперед. В ее голосе была холодная решимость. – На улице минус двадцать. У меня грудничок. Если вы сейчас выставите нас за дверь – это для нас смерть! А убийцей своих детей я быть не хочу... – Она твердо посмотрела ему в глаза. – Мне уже терять нечего.

В напряженной тишине было слышно только тиканье часов на стене и тихое шипенье черной тарелки радиоприёмника. Члены комиссии переглянулись.

– Хорошо, – наконец процедил военный. – Мы еще раз рассмотрим ваш вопрос. Но вы за свое самоуправство ответите.

Вторая ночь тоже прошла без сна. Спасибо соседке – сердобольная толстая Фира, жена профессора Соловьева, накормила Володю утром вчерашним супом.

Вердикт принес домоуправ на желтом клочке бумаги с сиреневой печатью: «Семье Поликарповых. Выделить комнату шесть квадратных метров. Остальные комнаты освободить в течение суток».

Вечером Антонина перенесла в крошечную комнатку детскую кроватку, она едва поместилась рядом с узкой Тасиной лежанкой. Шесть квадратных метров едва вмещали необходимое, но это была крыша над головой. В остальные комнаты заселили три семьи эвакуированных из Ленинграда. Всего в квартире поселилось восемнадцать человек.

Так началась новая жизнь в коммунальной квартире вдовы с двумя детьми, где еще недавно она была полноправной хозяйкой. От прежних времен в комнатку вместились только фотография мужа, его парадная шинель и карманные часы, которые Тася прятала в чемодане под кроватью. Остальные вещи пришлось продать, чтобы покупать продукты и выживать.

Одежду для младшего перешивала из старых вещей. Хорошо, устроилась секретарем в женсовет при институте – работа позволяла находиться недалеко от дома и получать дополнительный паек.

Тася, привыкшая к довоенному благополучию, училась экономить каждую крошку, выменивать вещи на барахолке на продукты, чинить одежду. В дальнем краю двора жителям дома разрешили разбить маленькие огородики. Ее руки, некогда ухоженные, покрылись мозолями. Но это не было важно, главное – она находила в себе силы улыбаться детям, рассказывать сказки, поддерживать в них веру в будущее.

Первое время соседи по квартире сторонились «сумасшедшей с топором», как ее называли за спиной. Но постепенно ленинградцы, знавшие цену жизни, видя самоотверженность Таси в труде и заботе о детях, стали относиться с уважением.

Через год, когда казалось, что сил больше не осталось, из далекого Воронежа приехали ее мать с сестрой и племянниками. К удивлению Таси, им выделили еще одну комнату в их же квартире. Теперь семья могла быть вместе, поддерживать друг друга.

Шли годы. Война закончилась, но легче не становилось. Тася так и не узнала, где похоронен муж – в братской могиле госпиталя его имя затерялось среди других. Она не могла даже положить цветы к месту его последнего пристанища.

Осенью сорок седьмого тяжело заболел старший сын – Володя, внезапно его стали бить припадками, похожие на эпилепсию. Врачи разводили руками, рекомендовали отправить в менее суровый климат, в тот же Воронеж. Нужны были деньги на лекарства, поездку. Тася решила продать последнюю вещь, оставшуюся от мужа – добротную шерстяную – «генеральскую» шинель. В декабре на «толкучке» – вещевом рынке – покупатель нашелся быстро.

Толстая пачка денег давала надежду. Постановление Правительства СССР «О денежной реформе и отмене карточной системы», готовившееся в обстановке глубокой секретности, ударило Антонину на следующее утро, как обухом. В одну ночь деньги обесценились в десять раз. Продавать было больше нечего. Удар был так силен, что Тася слегла с горячкой на две недели.

Но она выжила, выстояла. Володю «заговорил» рекомендованный в церкви деревенский дедушка (мать Тони упорно ходила молиться, несмотря на неодобрительные взгляды советских работников). Приступы прекратились

Дети росли. Володя, получив среднее образование, ушел в армию и остался работать в Казахстане. Костя унаследовал отцовский талант к точным наукам. С золотой медалью окончив школу, поступил в тот самый ВУЗ, оказавшийся к тому времени гражданским, который когда-то возглавлял его отец, стал впоследствии преподавателем, а затем заведующим кафедрой. Каждый день Антонина Федоровна проходила мимо Института, вспоминая, как когда-то впервые приехала сюда молодой женой начальника. Как дрожали колени, когда она стояла перед жилищной комиссией с топором. Как выживала в войну день за днем, час за часом.

В конце шестидесятих годов квартира, за которую Тася когда-то боролась не на жизнь, а на смерть, полностью вернулась в пользование семьи. В один из январских вечеров баба Тася долго стояла у окна, глядя на заснеженный двор с высокими тополями, ветви которых не прогибались от обильного снега. Она поймала свое отражение в стекле: седая прядь, упрямо выбившаяся из, как всегда, наспех заколотого пучка, глубоко залегшие морщины возле губ... Но глаза – глаза сияли победительно. Круг замкнулся. Она выстояла.

Вдруг в коридоре послышались шаги – в комнату вошел Костя с маленьким свертком на руках.

– Мама, – сказал он тихо, – познакомься со своим новым внуком – Максимкой.

И тогда впервые за много лет Антонина Федоровна Поликарпова, женщина с железным характером, заплакала – не от горя, а от счастья. Корни, которые она сумела сохранить в промерзшей сибирской земле, дали новые побеги.

Год Дракона

Семья Голопятовых встречала Новый год. Квартира сверкала ёлкой, украшенной гирляндами и блестящей мишурой, пахла восковой мастикой свеженатёртого паркета.

До боя курантов оставалось полчаса.

– Садимся за стол, дети, Валера, – из кухни доносился голос мамы, – мы с папой принесём холодец, и можно начинать.

Вечно пьяный дядя Валера находился в очередном семейном кризисе и напросился к Голопятовым. Бабушка Настя прилаживала к уху слуховой аппарат.

Старшая дочь Ира, отличница педагогического, села подальше от младшего брата – шалопайского подростка Лёши.

– Ну что, – глава семейства Андрей Андреевич опустил на стул, – давайте нальём! Через десять минут Горбачёв поздравлять будет, – и опасливо покосился на дядю Валеру, задумчиво разглядывающего зелёную этикетку новой водки.

– Давай, Андрюшенька, шампанское! Дед Мороз уже подарки под ёлочку положил, – пышнотелая хозяйка дома раскладывала оливье по тарелкам. – А потом у меня сюрприиз! – загадочно протянула она.

Телевизор допел бодрые песни, и на экране появились московские куранты.

– Дорогие товарищи! – жизнерадостная лысина Михаила Сергеевича засветилась на экране. – Через несколько минут...

– Говорун ты наш меченый, – мрачно процедил дядя Валера. – Ну что скажешь? Ещё ускоряться пора? Ха! – Он колыхнулся грузным телом.

– Ладно, Валера, пусть говорит, сейчас выпьем, будем подарки разворачивать, – мама дипломатично гасила конфликт.

«Боммм!» – все встали и торжественно замерли, считая удары.

– Ура!! С Новым годом!

Папа Андрей допил шампанское и быстро плеснул себе водки.

Развернув свёрточки, все сделали радостные лица: бритва «Харьков», кассеты для магнитофона BASF, одеколон «О-Жен», колготки, светильник с плавающим воском и скатерть. Дяде Валере — незапланированной нагрузке на бюджет — Дед Мороз выделил календарь с видами Ялты.

– А теперь сюрприиз! – мама Наташа вытащила откуда-то из-под стола большое картонное чудище с дырками вместо глаз. – Наступает год Дракона!

Она надела маску и помигала глазами.

– Дракон – существо волшебное и сделает всем подаарки!

– Что?! – тонким голосом вскричала баба Настя, поставив руку ракушечкой к уху.

– Ничего, маман, – проорал ей в ухо папа Андрей. – В Китае год Дракона.

– А, – баба Настя успокоилась и принялась рассматривать чашку.

Дядя Валера, пользуясь неразберихой, махнул водки и закусил огурцом.

Мама продолжила приподнятым голосом:

– Папа после праздников получает новую должность, и мы попросим китайского Дракона, чтобы он с папиной новой зарплаты каждому что-нибудь наколдовать в новом году! Давайте наденем маску и попросим Дракона, что мы хотим!

– Мне пуховик! – не дожидаясь маски, крикнул Лёша.

– Хе, – скривил губы дядя Валера. – Только не китайский. Они говёные: пух лезет, швы расходятся. Эти косоглазые ничего нормально делать не могут. До сих пор на наших грузовиках ездят.

Папа Андрей дёрнул щекой:

– Валера, ты не знаешь, о чём говоришь! У них уже десять лет «политика открытых дверей» для иностранного капитала. Новые предприятия каждый день запускают.

– Что же они такие говёные пуховики шьют?

– А мы ничего другого купить не можем! – рубанул рукой папа Андрей. – У них и станки уже приличные, и машины.

– Ага, машины. «Мерседесы» ещё не делают?

– Ну, «Мерседесы», может, и не делают, – начал заводиться папа Андрей.

– Мальчики, не начинайте, – вмешалась мама Наташа. – Сейчас пельмени поставим. А ты, Ирочка, чего хочешь?

Ира исподлобья глянула на отца:

– Пап, ты ругаться не будешь? Давай маску, мам... Я хочу вязальную машину. Мы с девчонками договорились: несколько человек объединимся, кооператив откроем, будем свитера вязать и продавать. Сейчас же можно. Надоело у вас деньги просить, сами заработаем.

– О! – хлопнул себя по ляжке дядя Валера. – Это по-нашему! Мы не китайцы, нам двери открывать никому не надо. Свои капиталисты подрастают! Сами справимся. Нас же этому комсомол учил, да, племяшка?

– А что?! – взвился папа Андрей. – Что тебе не нравится? Нормальный, цивилизованный путь! Да, кооперативы, да, частные предприятия, конкуренция – это хорошо! Мы с тобой о джинсах всю жизнь мечтали, сигареты «Мальборо» клянчили. В Америке потому и делают хорошие вещи, что капитализм и рыночная экономика.

– Ты меня с собой не равняй, – набычился дядя Валера. – Я на стройках БАМа работал, в снегу мёрз, пока ты тут диссертацию царапал. Я Северо-Муйский тоннель строил – это мощь! Там комсомол, партия помогали, а ты что, страну на сигареты променять?!

– Я просто считаю, что пора идти путём развитых стран.

– Да-да, – скривился дядя Валера. – Свобода, равенство, братство! Демократия, небось! Давай весь Союз развалим и в Пекин в отпуск ездить вместо Крыма и Болгарии.

– Куда? – скрипнула баба Настя, опять сделав ракушечку.

– В Пекин, мамаша! – вскочил на ноги дядя Валера. – И на китайских авто ездить вместо «Жигулей», ха-ха!

– А, – улыбнулась баба Настя и неожиданно запела дребезжащим голосом:

Москва – Пекин!

Москва – Пекин!

Идут, идут вперёд народы.

За светлый труд, за прочный мир,

Под знаменем свободы!

Маска Дракона, забытая на столе, едва заметно улыбалась.

Операция «Зеленый горошек»

– Ну, когда твой друг приедет?

Мы сидим в центре Кишинева с моим новым знакомым – темноволосым, худощавым, немного похожим на голодного волка молодым мужчиной с женским именем Сима. Полное его имя – Серафим. Но при знакомстве он всегда спокойно представляется мягким голосом с неуловимым южным акцентом, плохо сочетающимся с его хищной внешностью: «Сима».

Немного поухлая, но еще сочная зелень вековых лип закрывает плотной тенью от октябрьского, вполне жаркого молдавского солнца небольшой дворик частного деревянного дома, где Сима снимает крошечную двухкомнатную квартиру. Я приехал из Новосибирска неделю назад и живу у него. Мы познакомились здесь и, кажется, подружились. Во дворе еще пахнет летом и травами, мы пьем крепкий чай за небольшим фанерным столиком.

Напротив нас, на облезлой деревянной скамейке, неспешно покуривая, сидят в черных кожаных куртках куртках два кишиневских бандита. Они уважают Симу, хоть он и не бандит. Сима месяц назад переехал из Бендер, где воевал в приднестровском конфликте в молдавском ОПОНе. Ему около тридцати лет. Роста небольшого, но сухая жилистая фигура, узкое лицо с жесткими черными глазами и тонкими губами излучают энергию и уверенность.

Он служил в Афганистане, в советской армии, в десанте. Вернувшись в Молдавию, попался на какой-то сомнительной подпольной коммерческой операции и отсидел три года в Сибири. После отсидки работал на заводе. В Бендерах у него была квартира, работа и семья. Теперь семья в далекой молдавской деревне, квартиры нет, в Бендеры он не вернется – если его на улице узнают, расстреляют на месте.

– Завтра Толик вылетает из Новосибирска, значит, послезавтра прилетит, наверное... – немного напряженно продолжаю разговор я.

Мы с Симой спланировали крутую коммерческую операцию. Мой товарищ – Толик Абсаламов – везет из Новосибирска сорок тысяч долларов наличными. Здесь мы должны обменять их на кишиневском рынке на... советские рубли. Валюту страны, которой уже два года не существует.

Теперь нам нужна помощь – охрана. Для этого Сима позвал местных бандитов.

– Сима, сколько ты «поднимешь» на этой мутке? – лениво спрашивает бандит постарше и покрупнее.

Сима задумчиво курит. Он не спешит с ответом.

– Я в доле, должно получиться нормально, – наконец лениво цедит он.

– Сима, прикинь сам! – бандит усмехается. – Вы купите эту байду, варенье, блин. Куда-то ее отправите — в снега, потом, может, продадите, а может, нет, потом тебе что-то отстегнут. Если не кинут... – Он недобро покосился на меня. – А завтра прилетит лох, у которого в кармане сорок «косарей» зелени налом. Его даже не надо мочить. Он просто сядет в нашу машину и в город приедет без «бабок».

Меня пробивает холодный пот. Я в ужасе смотрю на Симу. Почему-то такой простой и незатейливый риск в горячке последних дней мне в голову не приходил. Я уже понимаю, что такое сорок тысяч долларов для Кишинева, для Симы, в начале девяностых. Это целое состояние — например, большая квартира в центре города и пара лет безбедной жизни. Сейчас у Симы в коммерческой конторе, где он подвизается, зарплата — триста долларов в месяц.

– Это мои друзья, – спокойно говорит Сима, еще подумав. – Мы будем работать вдолгую. В аэропорту мы Толика встречаем с ментами – я уже договорился. Так что расслабьтесь. Все, что от вас нужно, – подстрахуйте с «бабками» на базаре, чтобы беспредела не было, и прокатитесь до Бендер вместе с нами. Я целый взвод нанять не могу, а лишние бойцы могут понадобиться, если что.

Бандиты разочарованно переглядываются.

– Ладно, Сима, ты пацан нормальный, сочтемся, – они уходят, вежливо пожав руки.

Ветер ласково шумит листвой. Теплый ветерок проносится по нашему уютному дворику.

У меня спина еще покрыта подсыхающим холодным потом. Я смотрю в хитро прищуренные глаза Симы и понимаю, что это предложение не было для него неожиданностью и он сам о чем-то подобном уже хорошо подумал.

Год назад мы с Толиком случайно заработали кучу денег. Ну то есть не случайно, а неожиданно.

– Слушай, – сказал мне по телефону возникший из ниоткуда одноклассник, – я знаю, ты кредиты умеешь брать! У меня тут идея появилась. Бизнес-план!

– Какой еще, к черту, бизнес-план? — Я знал, что Толик последние три года ставил в гаражах китайские сигнализации на советские «Жигули». Это был максимум его бизнес-фантазии.

– Консервы! У бати связи есть с краснодарским заводом. Они там овощные консервы делают — икру кабачковую, баклажанную — еще что-то... Купим партию, привезем в Новосибирск, продадим! Здесь все влет уйдет...

Я безнадежно машу рукой:

– Толик, ты соображаешь, о чем говоришь? Какие консервы? Сколько стоят? За сколько продадим?

– Да нормально все будет! – орет он с энтузиазмом. – Надо действовать!

У его отца, действительно, были какие-то дальние связи с краснодарским овощным заводом. Ну, заводом по переработке плодоовощной продукции, если полностью называть... На заводе зависла нераспроданная продукция, срочно нужны были деньги.

Кабачковую икру — предмет вожделения советских домохозяек, нам не продали — ее уже не было. Спустя какое-то время пришли четыре вагона консервных банок — зеленый горошек, свекольная закуска (редкая гадость на вкус) и еще что-то.

А потом случилось чудо.

Никогда бы не догадался, каким оказывается дефицитным продуктом был зеленый горошек и насколько он нужен поздней осенью всем жителям сибирского города! Для приготовления салата оливье, видимо.

Мой маленький офис из одной единственной комнаты чуть не разнесли на куски. Десятки покупателей с разных овощных баз, крупных магазинов и мелких ларьков столпились в девять утра в тусклом коридоре бывшего НИИ рядом с моим офисом.

Платили наличными. Деньги несли сумками, рюкзаками и чемоданами. В банк можно было увозить только один раз в день — не помню почему. Единственное место, куда деньги можно было складывать, — это обычный складной диван с веселенькой фиолетовой расцветкой, стоявший в углу офиса и имевший под лежанкой деревянные ящики для постельного белья. Вот в эти ящики мы деньги и складывали. К середине дня диван переставал закрываться. Сначала я сажал на приоткрытую лежанку двух сотрудниц, иначе деньги выпадали на пол.

Потом, прямо на диване, на этой куче денег, полуприкрытых лежанкой, сидел строгий сержант с пистолетом, нанятый по договору с районным отделением милиции.

Через две недели мы с Толиком купили по новой машине! Аллилуйя! Но повторить фантастическую коммерческую операцию не смогли. Краснодарские поставщики распродали остатки и больше отдавать свой прекрасный дефицитный товар кому попало не желали.

А нам очень хотелось повторения.

И тогда я решил поискать, где еще можно купить зеленый горошек. Следующей осенью мне подсказали контакты людей в Кишиневе. Когда я летел в Молдавию через Москву, в столице еще дымился расстрелянный танками Белый дом — парламент новой России.

Единая страна развалилась на части, и каждый кусочек начал жить по своим законам.

Кишинев поразил меня, как оазис посреди хаоса. Прекрасный, тихий город, утопающий в пышной южной зелени, дышал спокойствием и теплом. После уже морозной родины я попал в райский уголок, где октябрьское солнце грело, как июльское в Сибири.

Прямо из аэропорта я приехал в центр города, где должна была находиться фирма нужного мне человека. На крыльце офиса курил невысокий нахмуренный брюнет.

– Хозяин уехал, – сообщил он без эмоций, глубоко затягиваясь. – Может, вернется, а когда, не знаю. Я тут новый управляющий, несколько дней как работаю. Про твои договоренности ничего не знаю. Про зеленый горошек тоже.

Сима как-то совсем не напоминал манерой поведения коммерческого менеджера, да, собственно, ничего и не делал в подтверждение своего статуса. В офисе было тихо, как в могиле — не звонил телефон, не приходили клиенты. Мы посидели немного и пошли в ближайший ресторанчик пообедать.

От нового знакомого исходило неуловимое чувство власти и самоуверенности. Но он, видимо, соскучился по общению, был дружелюбен и словоохотлив и понемногу рассказал свою историю. Хозяин фирмы, который меня пригласил, – его дальний родственник. Недавно закончился приднестровский конфликт, Симе пришлось повоевать и теперь он вынужден жить в Кишиневе.

После моих рассказов о золотой гороховой жиле, Сима проявил интерес:

– Слушай, а давай мы сами попробуем найти твой горошек на заводах?

Молдавия – страна размером в полтора раза меньше Московской области, усеянная, как изюминками в кексе, небольшими заводами по переработке плодоовощной продукции. Все они находились в часе-двух езды от Кишинева. У Симы был белый BMW с бендерскими номерами, сверкающий под ярким осенним солнцем, как айсберг в мутном море старых «Жигулей».

Мы начали методичный объезд, наматывая сотни километров по живописным молдавским долинам и холмам. Но везде нас ждало разочарование – склады зияли пустотой, вся продукция ушла к покупателям.

День за днем мы возвращались домой с пустыми руками, надежда таяла, как желтые листья на осеннем дереве. И как-то вечером Сима, словно борясь с самим собой, выдал фразу, от которой у меня кровь застыла в жилах:

– Я знаю точно, где есть то, что тебе нужно. Но если я туда с тобой поеду, и меня там узнают, то убьют и меня, и тебя.

Место можно было не называть...

– Бендеры? – выдавил я.

– Тирасполь, – произнес он, еще раздумывая, — но проезжать надо через Бендеры. Они напротив, через речку — Днестр.

Сима затушил сигарету с такой силой, будто давил свои чувства:

– Теперь там своя власть, я для них враг. А с врагами у них разговор короткий.

Я задумался. Но возвращаться на родину с пустыми руками не хотелось.

– Ты готов рискнуть?

– Готов, – просто сказал Сима. – Мне деньги позарез нужны.

На следующий день мы поехали. Я помню это страшное ощущение – Бендеры после войны: выщербленные пулевыми очередями стены домов, тротуары со следами взрывов. Обелиски с живыми и искусственными цветами на городских перекрестках. Фотографии молодых парней на обелисках. Гнетущая тишина на улицах. Когда мы ехали по улицам, Сима надвинул кепку на самые глаза, в его пальцах, сжимающих руль, дымила сигарета — одна за одной.

Мое тело будто одеревенело, только сейчас, глядя на эти следы боев, я понял, в какую смертельную авантюру мы влезли.

Когда приехали на окраину Тирасполя, к овощному заводу, за закрытыми воротами висела тишина. Завод молчал. Не было людей, не двигался транспорт, не слышно было кон-

вейеров или других механизмов. Пройдя мимо пустой будки охранника, мы зашли в административный корпус. Он тоже был пуст, но на втором этаже слышалось щелканье пишущей машинки.

Поднявшись, мы увидели единственный открытый кабинет, в котором сидел лысый дядька в усах и мятом костюме и оформлял документы. Мы задали обычный вопрос: есть ли у них продукция на складах и можно ли ее купить, чтобы вывезти в Новосибирск?

Лысый грустно покачал головой:

– Продукции-то полно, все склады забиты, только продать мы вам ее не сможем...

– Почему? – удивился я.

– Да потому что у вас нет денег, чтобы ее купить.

– В каком смысле? С деньгами у нас все нормально.

– Да вы не поняли. После конфликта у нас в Приднестровье ходят только советские деньги. Ну те самые советские, которые были до развала Союза и уже нигде не принимаются. Нам для внутреннего потребления в республике завезли из Москвы несколько самолетов никому не нужных купюр, чтобы мы могли отдельно от Молдавии расчеты наладить. Вот мы этими рублями с Лениным и расплачиваемся между собой. А из России вы нам не заплатите – ни рублями, ни долларами. Безналичных расчетов нет.

Я озадачился.

– А эти наличные советские рубли никак нельзя обменять на российские или на доллары?

Усатый почесал лысину:

– Официально нет, нельзя. Но неофициально в Кишиневе на черном рынке меняют.

Сима молчал, но я ясно видел, как в его прищуренных глазах запрыгали чертики — этот человек умел видеть шанс на удачу..

– Хорошо, мы подумаем, – сказал он усатому, и мы покинули заводской мавзолей.

После возвращения в Кишинев Сима развернул бурную деятельность. Он активизировал свои связи, как паук, дергающий за нити паутины. Валютные менялы, бандиты, дружественные милиционеры – весь этот мутный мир зашевелился от его звонков.

Когда мы подсчитали, сколько потребуется денег для покупки четырех вагонов продукции (минимальная партия -рефрижераторная секция: четыре грузовых и вагон-холодильник), результат поразил воображение – нам нужен был не чемодан, не два, а самый настоящий грузовик денег. Ну, образно говоря. Хотя в буквальном смысле тоже.

Безопасность стала головной болью. В таком небольшом городе, как Кишинев, секреты живут недолго – весь криминальный мир был бы в курсе нашей затеи раньше, чем мы бы подписали договор на поставку.

Стратегия родилась простая, как грабли: откупиться от всех, посулив местным стражам порядка и бандитам хороший кусок за безопасность.

Мы снова отправились на овощной комбинат к нашему бухгалтеру-отшельнику. Когда он узнал, что мы готовы привезти настоящие, живые деньги, его глаза вспыхнули, как у ребенка, увидевшего под новогодней елкой велосипед:

– Мы уже полгода зарплату не получали! – воскликнул он, чуть не подпрыгивая от радости. – Но это же опасно! Как вы столько повезете?

Мы с Симой переглянулись. Наша безумная идея обрела очертания плана, но ответа на его вопрос не было.

И вот наступил день, который можно было показать в голливудском блокбастере. Толик прилетел с защитными в холщовый пояс пачками долларов. Выйдя из аэропорта, избежав досмотра таможенников, он сидел в машине с перекошенной улыбкой и сдерживал истерический хохот. Кружным путем мы приехали на центральный рынок. За сорок тысяч долларов мы получили в каком то грязном сарае пять холщовых мешков, в каких обычно носят картошку с поля, советских купюр. Они не поместились в одну машину.

Автопроцессия, отправившаяся в Бендеры, напоминала кортеж небогатого африканского диктатора. Впереди молдавский полицейский «УАЗик» со включенными мигалками – как ледокол, прокладывающий путь. За ним — наш белый BMW с двумя мешками денег, сзади дружественные «Жигули», еще с тремя мешками наличных. Замыкал шествие черный «Мерседес» с разбитой фарой и четырьмя вооруженными бандитами, выглядывающими из окон, как беркуты из клетки.

Мы подъехали, когда в Тирасполе уже темнело. Вокруг заводского забора извивалась километровой змеей очередь из сотен человек. Люди стояли терпеливо, с усталыми лицами, но в глазах светилась надежда.

Мужчины в выцветших клетчатых рубашках, женщины с авоськами и маленькими детьми — маленькая армия растерянных, потерявших надежду людей. Они ждали с раннего утра. В их взглядах читалась настороженность – неужели этот прибывший бродячий цирк принес им спасение?

Все вместе – мы с Симой, бандиты в кожаных куртках и полицейские в форме – принялись таскать мешки с деньгами в бухгалтерию.

Атмосфера была напряженной, как струна. Молдаване понимали – все нужные люди Приднестровья в курсе и нам здесь могут сделать много неприятностей. Но, возможно, огромная куча привезенных денег защищала нас от расправы. Деньги, как известно, не пахнут, а мы надеялись, что они хорошо примиряют врагов.

Сима молча курил, я видел, как напряжены его плечи.

– Быстрее, – буркнул он, провожая меня в бухгалтерию. – Чем дольше торчим, тем хуже.

Загруженные вагоны с нашей продукцией стояли на железнодорожных путях, как терпеливые навьюченные верблюды. Мы знали, что зеленого горошка — нашего золотого тельца, оказалось кот наплакал. Один вагон.

Остальные пришлось набивать тем, что показалось другим коммерческим сокровищем – экзотическим вареньем разных сортов, которых Новосибирск отродясь не видывал: из белой черешни, кизила, грецкого ореха – целая палитра южных деликатесов.

– Это Клондайк! – убеждал я Толика, – в Сибири за такую экзотику будут драться.

Как же я ошибался!

Расчеты закончились. Наша пестрая кавалькада ретировалась в том же порядке. Вагоны покатались в сторону Новосибирска.

В аэропорту, прощаясь с Симой, я пожал ему руку и обнял на прощание:

– Спасибо за все! Приезжай через пару недель делить прибыль!

– Не торопись, – усмехнулся он. — Жизнь покажет.

Вагоны приехали быстро. Зеленый горошек снова продан «влет», хотя и был упакован в диковинные стеклянные трехлитровые банки, больше похожие на стеклянные снаряды с зеленой шрапнелью. Денег от его продажи хватило ровно на то, чтобы закрыть кредит – ни копейки больше.

Варенье стало проклятием. Новосибирцы смотрели на варенье из кизила, как корова на новые ворота — задумчиво, но без интереса.

Симу я все-таки пригласил в Новосибирск, правда, не через две недели, а через два месяца. Мы посидели, выпили, я заплатил ему, сколько мог – немного, но честно.

– Лучше бы мы тогда Толика убили, – грустно констатировал Сима напоследок, убирая тонкую пачечку купюр в карман. — Ну ничего, у тебя секретарь такая зажигалка, вчера в гостиницу ко мне пришла, хоть что-то хорошее получилось.

Мы созванивались с ним потом несколько раз. Бросив попытки заработать честные деньги, Сима выбрал более простую и понятную ему дорогу – пошел в бандиты. Стал авторитетом, собрал банду, промышлял рэкетом. Через пару лет совсем исчез с горизонта – либо сел в тюрьму, либо сгинул в бандитских разборках.

А вареньем мы гостей в офисе угощали еще года три.

Все под контролем

Сентябрьский город шумел и мерцал, словно гигантский механизм, не знающий покоя. Каждый атом пространства был наполнен движением: машины ползли по улицам, люди спешили по делам, свет рекламных щитов будил задремавшие окна.

Москва погружалась в пятничный вечер – хаотичный, яркий, беспощадный – не для слабаков. В гудящем хоре я чувствовал себя маленькой шестерёнкой, пытающейся попасть в общий ритм.

Потрепанная «девятка» медленно проталкивалась в вечерних пробках для завершающей коды рабочей недели. В лобовом стекле мелькнуло мое лицо. Темные волосы, бледная кожа, модная недельная щетина, бомжеватая в неровном свете. Ворот рубашки расстегнут, узел галстука спущен с шеи на грудь – можно расслабиться в пути.

По радио – бубнёж рекламы жевательной резинки Wrigley's. Я возвращался с тендерного совещания в международном агентстве BBDO, ведущем мировую рекламную кампанию этой эластичной конфетки.

Рекламный бюджет на региональное телевидение Wrigley's обещал быть щедрым, но получить его мне не светило. Конкуренты закрутили хитрый хоровод наливки с городскими телеканалами и имели отличные скидки на эфирные блоки, а я терял заказ за заказом и сейчас рисковал схватить последнюю чёрную метку от Сергея Ростиславовича – директора агентства. Он уже не раз намекал, что сильно недоволен.

Свернув с Шереметьевской, я припарковался с задней стороны угрюмого бетонного куба – тусклого советского кинотеатра «Глобус», взял черный кожаный портфель с пассажирского сиденья и зашёл в неприметную заднюю дверь под стеклянным козырьком.

На стоянке моя вишневая трехлетняя «девятка» смотрелась сиротой по соседству с нахмуренными, прилегшими на брюхо немецкими авто менеджеров рекламного агентства «Глобус-Медиа», где я работал начальником отдела.

Я не стремился слишком рьяно демонстрировать мнимую состоятельность, чем грешили мои нынешние коллеги. В Новосибирске, где раньше крутился в бизнесе, давно понял: показуха может выйти боком. Недавно переехав в Москву, не хотел привлекать ненужное внимание ни к машине, ни к себе: жил налегке, не обрастал вещами.

Самое ценное держал в кожаном портфеле: паспорт, запас денег, дорогуший мобильный телефон. Жизнь научила, что иногда надо двигаться быстро и очень далеко. Глянцевый товарищ, портфель стал для меня чем-то вроде важного органа, дружески подмигивая серебряными заклепками. Даже когда выходил из офиса ненадолго, я всегда держал его при себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.